

Л.Н. Корнильева(Сахновская)

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ Р. САУТИ

В теории романтизма понятия жизни и смерти являются ключевыми, а их изучение до настоящего времени не утрачивает своей актуальности. Считается, что эстетическая интерпретация жизни романтиками находит отголосок в «эстетическом повороте» современной культуры, в провозглашении современными философскими направлениями тотальной эстетизации бытия (Ю. Хабермас, Р. Рорти). Присущая многим романтикам интерпретация мира и человеческой жизни как некоего текста, романа актуализируется в постмодернистских интенциях усмотрения дискурсивного характера бытия (М. Фуко, Р. Барт, Ж. Деррида), а идея поэтического способа постижения жизни – в утверждении «поэтического знания» (М. Хайдеггер) как доминанты постмодернистского мышления с его фрагментарностью и иррациональностью.

Кроме того, принято считать, что вопреки своему широкому применению в философском и конкретно научном знании, категория жизни содержательно недостаточна определена, а обращение к ценному опыту романтической рефлексии над феноменом жизни способствует более глубокому его пониманию и определению его содержания с помощью выяснения значений, которыми оно обладало на этапе своего становления [Архангельская, Р. В. http://planetadisser.com/see/dis_5547.html].

Результаты подобных исследований, в свою очередь, призваны способствовать прояснению специфики и сущности романтической философии.

В ходе изучения поэтических произведений Р. Саути становится очевидным тот факт, что уже с юношеских лет поэт уделяет достаточно много внимания осмыслению феномена бытия человека, которое имеет своё начало и логический конец:

Mortal! whilst fortune with benignant hand//Fills to the brim thy cup of happiness, //Whilst her unclouded sun//Illumes thy summer day, //Canst thou rejoice,—rejoice that time flies fast? //That night shall shadow soon thy summer sun? //That swift the stream of years//Rolls to eternity? [Southey. Joan of Arc, Ballads...; 376]

(Stanzas Written On The First Of January, 1794)

I pour the lay to thee, though haply doom'd //In solitary woe to waste my years; //Though doom'd perchance to die //Unlov'd and unbewail'd [Southey. Joan of Arc, Ballads...; 154].

(To Hymen)

Можно, конечно, вслед за Г. Новалисом усматривать в этом стремление любого человека «домой», к Богу и жизни вечной (*Blest be the everlasting Night, //And blest the endless slumber! //We are heated with the day too bright, // And withered up with cumber! // We're weary of that life abroad: Come, we will now go home to God!*) [Novalis, G. Hymns

to the Night]. В научной литературе по философии есть даже работы, где процитированные нами слова Новалиса называются воплощением самой сокровенной идеи романтизма, т. к. жизнь для поэта — «чужбина», в которой постигаются лишь отдельные черты инобытия — подлинной родины каждого смертного [Монастырская И. А. http://www.anthropology.ru/ru/texts/monast/ethics_37.html]. Можно также объяснять данную отличительную особенность стихов Р. Саути, оперируя исключительно эстетическими категориями, присущими романтическому направлению в литературе и искусстве. Однако правильнее, на наш взгляд, подходить к изучению этой проблемы комплексно, объединяя достижения учёных в различных сферах, т. к. не только философы, литературоведы или культурологи могут дать однозначный и исчерпывающий ответ на вопрос, почему подобные размышления стали неотъемлемой частью всего поэтического творчества Р. Саути.

Психолог, к примеру, скорее свяжет это с индивидуальными особенностями психики поэта, склонного к рефлексии, а также его принадлежностью к определённому психотипу. Астролог, руководствуясь датой, местом и временем рождения, сделает свои выводы в данном вопросе, но уже основываясь на теоретической базе близкой ему научной дисциплины. Астрологию, кстати сказать, Р. Саути не признавал, для чего достаточно вспомнить комментарий к строке «*Он читал по звёздам*» ("He read the stars") в его «Талабе»:

*It is well known how much the Orientalists are addicted to **this pretended science**. There is a curious instance of **public folly** in Sir John Chardin's Travels<...> "**Their addiction to astrology is such**, that they carefully conceal the moments of their princes' birth, to prevent the casting their nativities, where they might meet perhaps with something which they should be unwilling to know" [Southey 10 Vol in One;311].*

(Thalaba the Destroyer)

Однако от подобной индивидуальной оценки астрология никак не перестаёт быть наукой, определённые достижения которой доступны самому широкому кругу читателей.

Так, например, многим известно, что друиды, жившие в Британии до н. э. и выделявшиеся как господствующий класс среди кельтов, всегда пристально отслеживали положение Солнца относительно Земли. На основе их наблюдений был составлен столь популярный ныне так называемый Гороскоп Друидов. В нём под растительным символом «Тополь» объединены люди, рождённые с 4 по 8 февраля и с 5 августа по 13 число того же месяца (Р. Саути родился 12 августа).

О представителях данной группы там говорится следующее: «Декоративность, стройность и красота присущи Тополю от ранней молодости. С годами, однако, Тополь сам создает себе проблемы. Очень чувствителен к течению времени, слишком рано начинает бояться старости, от этого страха еще больше стареет» [Лики судьбы 1995;95].

Этот пример ещё раз доказывает тот факт, что различные по своему образованию люди, оперируя самыми разнообразными по своей природе фактами, определённо представляют собственное видение причин индивидуальной рефлексии над феноменом жизни и смерти, и выделить из разных теорий одну единственно верную, пожалуй, невозможно.

Следует отметить, что только на первый взгляд отношение Р. Саути к жизни и смерти, закреплённое в его поэзии, может показаться вполне тривиальным. Действительно, по структуре жизнь традиционно делится поэтом на привычные всем детство, юность, зрелость, старость, да и контекстуально никаких новых значений ни жизнь, ни смерть не приобретают.

Не вызывает удивления и то, что в ходе осмысления жизни и смерти поэт традиционно для себя проводит многочисленные параллели между миром людей и окружающей их природой, между предметом одушевлённым и неодушевлённым, который часто и наталкивает его на раздумья:

My friendly fire, thou blazest clear and bright, // Nor smoke nor ashes soil thy grateful flame; // <...> // And I would wish, like thee, to shine serene, // Like thee, within mine influence, all to cheer; // And wish at last, in life's declining scene, // As I had beam'd as bright, to fade as clear: // So might my children ponder o'er my shrine, // And o'er my ashes muse, as I will muse o'er thine [Southey. Joan of Arc, Ballads...; 162].

(To the Fire)

Или:

As slow and solemn yonder deepening knell // Tolls through the sullen evening's shadowy gloom, // Alone and pensive, in my silent room, // On man and on mortality I dwell. // And as the harbinger of death I hear, // Frequent and full, much do I love to muse // On life's distemper'd scenes of hope and fear; // And passion varying her chameleon hues, // And man persuing pleasure's empty shade, // 'Till death dissolves the vision. So the child // In youth's gay morn with wondering pleasure smil'd, // As with the shining ice well-pleas'd he play'd; // Nor, as he grasps the crystal in his play, // Heeds how the faithless bauble melts away [Southey. Joan of Arc, Ballads...; 161].

(Sonnets, VI)

Кроме того, столь привычное чередование дня и ночи, следующих друг за другом утра, обеда и вечера, а также смена различных времён года, нашли своё поэтическое выражение у Р. Саути в его размышлениях о прошлом, настоящем, будущем, о смерти и загробной жизни:

Do I regret the past? // Would I again live o'er // The morning hours of life? // Nay, William, nay, not so! // In the warm joyance of the summer sun // I do not wish again // The changeful April day. // <...> To me the past presents // No object for regret; // To me the present gives // All cause for full content; — // The future,—it is now

the cheerful noon, // And on the sunny-smiling fields I gaze // With eyes alive to joy; // When the dark night descends, // My weary lids I willingly shall close, // Again to wake in light [Southey. *Joan of Arc, Ballads...*; 365-366].

(To A Friend, Inquiring If I Would Live Over My Youth Again)

Однако при ближайшем рассмотрении станет понятно, что и в рассуждениях на тему жизни, и в размышлениях о смерти Р. Саути не пошёл вслед за большинством, противопоставляя свою точку зрения и свои ощущения мироощущению других.

Поэт прежде всего не оставил без внимания присущую большинству людей особенность восприятия жизни, которая состоит в том, что человеку свойственно испытывать недовольство днём сегодняшним, а впоследствии, как это ни парадоксально, идеализировать своё прошлое. Данная дивная метаморфоза, в результате которой по прошествии времени все трудности и горести перестают восприниматься как таковые, оставляя место лишь светлым воспоминаниям, нигде не была раскрыта Р. Саути столь же полно и детально, нежели в сихотворении «Воспоминание» (*Remembrance*), общее содержание которого наилучшим образом передают следующие строки:

Man hath a weary pilgrimage // As through the world he wends; // On every stage from youth to age // Still discontent attends; // With heaviness he casts his eye // Upon the road before, // And still remembers with a sigh // The days that are no more [Southey. *Joan of Arc, Ballads...*; 367].

(Remembrance)

Подобные наблюдения содержатся и в других его произведениях:

Why loves the soul on earlier years to dwell, // When memory spreads around her saddening spell, // When discontent, with sullen gloom o'er cast, // Turns from the present and prefers the past? [Southey. *Joan of Arc, Ballads...*; 143]

(The Retrospect)

O Contemplation! when to memory's eyes // The visions of the long-past days arise, // Thy holy power imparts the best relief, // And the calmed spirit loves the joy of grief [Southey. *Joan of Arc, Ballads...*; 385].

(To Contemplation)

При этом сам поэт лишь изредка предстаёт на страницах своих произведений как человек, идеализирующий собственное прошлое. Скорее, он просто констатирует, что в том периоде нет ничего такого, чего бы он стыдился или о чём бы сожалел:

Meantime, all hoping and expecting all // In patient faith, to you, domestic gods! // I come, studious of other lore than song. // Of my past years the solace and support: Yet shall my heart remember the past years // With honest pride, trusting that not in vain // Lives the pure song of liberty and truth.

(Hymn to the Penates)

Исключительную важность приобретает то, что поэт неизменно пытается донести до читателя своё глубокое убеждение о недопустимости заикленности на былом, о необходимости жить полнокровно, жить днём сегодняшним и, уповая на Бога, с верой смотреть в будущее:

*Enough! it boots not on the past to dwell, // Fair scene of other years a long
farewell. // Rouse up, my soul! it boots not to repine. // Rouse up! for worthier feelings
should be thine. // Thy path is plain and straight—that light is given— // Onward in faith—
and leave the rest to heaven [Southey. Joan of Arc, Ballads...; 145].*

(The Retrospect)

При этом, вселяя в людей оптимизм и заставляя их по-ному взглянуть на привычные вещи, поэт тщательно подбирает самые нужные и подходящие для этого слова, которые он подчас находит в поэтических произведениях других авторов:

*Wilt thou float careless down the stream of time, // In sadness borne to dull
oblivion's shore, // Or shake off grief, and " **build the lofty rhyme,**" // And live 'till Time
himself shall be no more ? [Southey. Joan of Arc, Ballads...; 165].*

(To Lycion)

Как видно из приведённого выше отрывка, Р. Саути, используя кавычки, цитирует Дж. Мильтона (*Who would not sing for Lycidas? he knew // Himself to sing, and **build the lofty rhyme.***) [Milton, John. Lycidas] что, безусловно, привлекает дополнительное читательское внимание к его словам.

Неоднократно обнаруживая себя хорошим психологом, Р. Саути в своей поэзии верно подметил и то, что человеку очень свойственно бояться смерти:

*Death! Where the magic in that empty name // That chills my inmost heart? Why at
the thought // Starts the cold dew of fear on every limb? // There are no terrors to
surround the grave, // When the calm mind, collected in itself, // Surveys that narrow
house: the ghastly train // That haunt the midnight of delirious guilt // Then vanish. In
that home of endless rest // All sorrows cease.—Would I might slumber there! // Why,
then, this panting of the fearful heart? // This miser love of life, that dreads to lose // Its
cherish'd torment ? [Southey. Joan of Arc, Ballads...; 220]*

(The Convicts of New South Wales: Frederic)

Но и в данном вопросе поэт прямо противопоставил себя абсолютному большинству людей, повсеместно утверждая, что самого его смерть не страшит:

*Oh my friend! // That thy faith were as mine! that thou couldst see // Death still
producing life, and evil still // Working its own destruction; couldst behold // The strifes
and tumults of this troubled world // With the strong eye that sees the promised
day // Dawn through this night of tempest! all things then // Would minister to joy; then*

should thine heart//Be healed and harmonized, and thou shouldst feel//God, always, everywhere, and all in all[Southey. *Joan of Arc, Ballads...*;372-373].

(Autumn)

Это, на наш взгляд, довольно спорные заявления, даже для человека глубоко верующего. Ведь достаточно вспомнить, что даже сам Иисус Христос, зная о своём грядущем конце, молился в Гефсиманском саду и просил Отца отвести от него сию чашу, тем самым доказывая, что его человеческое естество внутренне принять смерть и безропотно смириться с нею не могло.

Тем не менее, в творчестве Р. Саути неприятие смерти сопряжено только лишь с ситуациями, когда та забирает людей молодых, которые бы ещё долгие годы могли жить, творить и радовать своих близких:

Well, well ! my friend—//Tis what we all must come to, soon or late.//But when a young man dies, in the prime of life,//One born so well, who might have blest us all//

Many long years !—//JAMES.//And then the family,//Extinguish'd in him, and the good old name//Only to be remember'd on a tomb-stone![Southey. *Joan of Arc, Ballads...*;244]

(The last of the Family)

В целом же, Р. Саути не противопоставляет жизнь и смерть, а воспринимает последнюю, как неотъемлемую, органичную часть самой жизни. Таким образом, в его понимании и жизненной философии жизнь и смерть – это отнюдь не бинарная оппозиция.

Отсутствие боязни смерти, столь часто декларируемое Р. Саути, зиждется в его случае на четырёх основных составляющих, среди которых особенно выделяются несокрушимая вера поэта в Бога и осознание того, что жизнь прожита им правильно. Поэтому, неслучайно, будь то от первого лица или устами своих героев, Р. Саути столь часто подчёркивал необходимость жить так, чтобы потом не бояться грядущего суда:

Thus may we live, till death's keen spear,//Unwish'd, unfear'd, shall come;//Then sink, without one guilty fear,//To slumber in the tomb[Southey. *Joan of Arc, Ballads...*;151].

(To Urban)

Или:

You are old, Father William, the young man cried,//And life must be hastening away;//You are cheerful, and love to converse upon death!//Now tell me the reason, I pray.//I am cheerful, young man, Father William replied;//Let the cause thy attention engage;//In the days of my youth I remember'd my God!//And he hath not forgotten my age[Southey. *Joan of Arc, Ballads...*;338].

(The Old Man's Comforts, And How He Gained Them)

Двумя другими условиями, позволяющими, по мнению Р. Саути, достойно встретить старость и грядущую смерть, являются жизнь в семье, среди любящих людей, а также присутствие в жизни человека подлинных дружеских отношений, которые, как отмечает поэт, призваны быть утешением и в дни старости, когда слабеет пламя любви и угасает пламя самой жизни:

*And chasten'd Friendship comes, whose mildest sway//Shall cheer the hour of age,
when fainter beam//The fading flame of love,//The fading flame of life*[Southey. *Joan of Arc, Ballads...*;155].

(*To Hymen*)

В этой связи следует подчеркнуть, что восприятие поэтом дружбы как наивысшей ценности нисколько не менялось от того, что сам Р. Саути неоднократно бывал предан и оставлен многими своими друзьями, о чём известно как из его биографии, так и со страниц отдельных его произведений:

*Of the friends//Who once so dearly prized this miniature,//And loved it for its
likeness, some are gone//To their last home; and some, estranged in
heart,//Beholding me, with quick-averted glance//Pass on the other side*[Southey. *Joan of Arc, Ballads...*;378-379].

(*On My Own Miniature Picture, Taken At Two Years Of Age*)

Являясь пропагандистом семейных ценностей, Р. Саути также неизменно проводил чёткое разграничение между всем подлинным в отношениях между людьми и наносным или показным. Поэт признаётся, что не мечтал при жизни о шумихе и суете вокруг собственной персоны, предпочитая счастливую безвестность в кругу семьи, а затем и тихий, без всякой помпы, переход в мир иной. Он не хотел, чтобы его уход из жизни ознаменовался громкой заупокойной мессой, чтобы за деньги его душу отпевал священник или чтобы корыстный могильщик приготовил для него последнее пристанище. Будучи добрым семьянином, он и после смерти желал быть поближе к своим детям, которые бы его и проводили в последний путь:

*Then, when the inexorable hour shall come//To tell my death, let no deep requiem
toll.//No hireling sexton dig the venal tomb,//Nor priest be paid to hymn my parted
soul;//But let my children, near their little cot,//Lay my old bones beneath the turfy
spot://So let me live unknown, so let me die forgot*[Southey. *Joan of Arc, Ballads...*;167].

(*To Lycon*)

Однако при этом стоит ещё раз подчеркнуть, что смерть в понимании Р. Саути концом как таковым никогда не была, являясь лишь точкой отсчёта жизни новой. Поэтому в творчестве Р. Саути столь часто встречаются примеры, когда поэт говорит о загробной жизни или же описывает попадание своего

литературного героя в рай, как факт уже свершившийся, указывая при этом, за какие именно добродетели человек был этого достоин:

In every joy of life the hours had fled, // Whilst time on downy pinions hurried by, // Till age with silver hairs had grac'd thy head, // Wean'd from the world, and taught thee how to die. // And, as thy liberal hand had shower'd around // The ample wealth by lavish fortune given, // Thy parted spirit had that justice found // And angels hymn'd the rich man's soul to heaven [Southey. Joan of Arc, Ballads...; 154].

(The Miser's Mansion)

Brought up in darkness, and the child of sin, // Yet, as the meed of spotless innocence, // Just Heaven permitted her by one good deed // To work her own redemption after death; // So, till the judgment day, // She might abide in bliss, // Green warbler of the Bowers of Paradise [Southey 10 Vol in One; 313].

(Thalaba the Destroyer)

Таким образом, изучая литературное наследие Р. Саути в данном аспекте, можно ещё раз убедиться в абсолютной неправомочности выводов о мрачном характере его стихов. Поэзия Р. Саути в очередной раз доказывает, что она проникнута оптимизмом и позитивным отношением к жизни, которую как «дар напрасный, дар случайный» поэт никогда не воспринимает. Следует подчеркнуть, что в основе оптимистического восприятия жизни Р. Саути всегда выделяются четыре основные составляющие: незыблемая вера в Бога, помогающая преодолеть все трудности, осознание того, что жизнь прожита правильно, а также наличие настоящей дружбы и крепкой семьи, являющихся утешением и в дни старости.

Каких-то новых значений поэт в понятия жизни и смерти не вкладывает, не делит жизнь на «до» и «после», предпочитая общепринятое деление на периоды от раннего детства до старости. Однако Р. Саути идёт навстречу толпе в том, что не идеализирует прошлое и не боится самой смерти. Смерть, именно как сторона жизни, её логический финал и точка отсчёта жизни новой, представлена во многих произведениях Р. Саути. Обращает на себя внимание тот факт, что умозрительные размышления поэта о смерти всегда выдержаны в мажорном ключе, за исключением тех случаев, когда смерть забирает молодых.

Поэтому, подобно тому, как в своё время в России название оперы М. И. Глинки «Смерть за царя» (рабочее название оперы было «Иван Сусанин») изменили на более жизнеутверждающее «Жизнь за царя», т. к. было решено, что за царя нужно всё же жить, так и в раскрытии данной темы очень важно соблюдать верную тональность, которая бы наиболее точно соответствовала приподнятому, возвышенному и очень оптимистическому восприятию жизни Р. Саути.

Литература

1. Архангельская, Р. В. Понятие жизни в философии немецкого романтизма. http://planetadisser.com/see/dis_5547.html
2. Лики судьбы. – Киев: Астарта, 1995. – 400 с.
3. Монастырская И. А. Новое понимание человека в философии и эстетике романтиков. http://www.anthropology.ru/ru/texts/monast/ethics_37.html
4. Milton, John. Lycidas. <http://oldpoetry.com/opoem/23286-John-Milton-Lycidas>
5. Novalis, G. Hymns to the Night (Translated by George MacDonald (1897))/ <http://filepedia.org/files/Novalis%20-%20Hymns%20to%20the%20Night%20-%20Translated%20by%20George%20MacDonald.pdf>
6. Southey, Robert. Joan of Arc, Ballads, Lyrics and Minor Poems. www.joanofarcballads00soutrich.pdf
7. Southey, Robert. The Poetical Works of Robert Southey. Ten Volumes in One. – New York: D. Appleton & Co., 1839. – 810 p.

Анотація

У триумвіраті англійських поетів-лейкістів саме творчість Р. Сауті традиційно характеризується, як найбільш просякнута песимістичними настроями та відмічена великою кількістю гнітючих картин. Між тим, поезія Р. Сауті свідчить про зовсім протилежне, а сам поет повсякчас предстає як людина, що завжди намагається сприймати світ позитивно. Роздуми Р. Сауті про життя та смерть, що є невід'ємною складовою всієї його літературної спадщини, також матеріалізувались у сповнену оптимізму літературну трактовку категорії життя та її складової – смерті, яка вінчає життєвий шлях кожної людини. У статті досліджуються засади подібного оптимізму, що тісно пов'язані з незламною вірою у вічне життя для благочестивих та відсутністю боязні смерті за наявності істинної віри в Бога, дружньої підтримки та гарної сім'ї.

Ключові слова: життя, смерть, віра, сім'я, дружба, оптимізм.

Аннотация

В триумвирате английских поэтов-лейкистов именно творчество Р. Саути принято характеризовать, как наиболее проникнутое пессимистическими настроениями и изобилующее мрачными картинами. Между тем поэзия Р. Саути в подавляющем большинстве случаев доказывает совершенно противоположное, а сам поэт неизменно предстаёт человеком, который во всём старается находить положительные стороны. Размышления Р. Саути о жизни и смерти, будучи неотъемлемой частью всего его творчества, также вылились в наполненную оптимистическими настроениями литературную трактовку течения времени и самой смерти, венчающей жизненный путь каждого человека. В статье исследуются основы подобного оптимизма, сопряжённого с

незыблемой верой в вечное блаженство для праведных и отсутствием боязни смерти при наличии истинной веры в Бога, дружеской поддержки и крепкой семьи.

Ключевые слова: жизнь, смерть, вера, семья, дружба, оптимизм.

Summary

R. Southey has been traditionally regarded as the gloomiest among the English lake poets. Meanwhile his poetry reveals quite the opposite, and the poet turns to be a very warm personality who always looks at the bright side of things. R. Southey`s speculations about life and death, being part and parcel of all his work, also result in a quite optimistic literary characteristic of the course of life and its very end. The article centres on the sources of poet`s optimism and the basis of his firm belief in eternal bliss and death still producing life.

Key words: life, death, faith, family, friendship, optimism.

Стаття рецензована та рекомендована до друку д.ф.н., проф. Л. Г. Фрізманом